

ТАНЕЦ И ПОИСК

3

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ театральный сезон в ленинградском балете. Сегодня мы рассказываем об одной премьере и о некоторых вводах в старые спектакли, которые открыли новые возможности молодых исполнителей.

ЗРЕЛОСТЬ ХОРЕОГРАФА

ЛЮБИТЕЛИ балета знают и ценят Олега Виноградова как балетмейстера, неразрывно связанного с современностью. Современны весь склад его мышления, художественные поиски, творческий почерк. Обращение Виноградова к самому раннему из дошедших до нас балетов — к «Тщетной предосторожности» французского балетмейстера Доберваля (1789) — сулило неожиданности, разжигало интерес. Ведь комедийные краски «Тщетной» светлы и радостны, сюжет неприязнителен, да и танцы бесхитростны. А Виноградов, судя по «Ромео и Джульетте», «Ассоли», «Горянке», напротив, тяготеет к трагедийному накалу чувств, к философской широте мысли, к виртуозной пластике.

Опыт создания собственной трактовки известного спектакля у Виноградова имелся. Он уже поставил прокофьевские «Золушку» и «Ромео и Джульетту» в новосибирском театре. Но там было легче: можно было довериться могучему союзнику — музыке. В ней балетмейстер искал и находил близкое себе, созвучное своим мыслям: создавался совсем новый балет на хорошо известную музыку. С «Тщетной» дело обстояло сложнее.

Сохранились две основные редакции музыки к этому балету — Герольда и Гертеля. Обе для современного слуха были архаичны и примитивны. Виноградов, впер-

вые в сценической истории «Тщетной» на русской сцене, решил вернуться к ранней редакции. В отличие от великолепной лондонской постановки Аштона, Виноградов не стал модернизировать Герольда ни более современной оркестровкой, ни вставками новых номеров. Бесхитростность партитуры не отпугнула балетмейстера. В наивной чистоте, простодушии, искренней жизнерадостности, явно ощутимом национальном колорите заключалась своеобразная прелесть этой старой французской музыки. Привлекало также то, что музыка Герольда, по сравнению с позднейшей редакцией, была не так прямолинейна и иллюстративна. Она оставляла большую свободу для постановщика. Эта свобода была ему необходима. Ведь Виноградов не ставил перед собой цель реконструировать «Тщетную». Да это было бы и невозможно, так как оригинальная хореография Доберваля не сохранилась. Виноградову важно было передать дух спектакля. Музыка помогла ему в этом.

Откровенная, подчеркнутая театральность пропизывает весь спектакль. Художники с удовольствием воплощают это намерение постановщика. Привлекательны сделанные со вкусом костюмы Т. Ратнера. Они праздничны, радуют глаз сочностью цвета. Изобретательны декорации Г. Сотникова, явно обладающего чувством комедийного. Может быть, не совсем кстати глуховатые тона декораций. Их будничность не очень вяжется с приподнятостью всего спектакля.

Несколько искусственная театральность выгодно оттеняет ис-

кренность любви героев — Лизы и Колеа. Для характеристики ее Виноградов находит современные краски. Эта любовь открыта и бескомпромиссна.

Виноградов и в этом спектакле проявил завидную пластическую щедрость. Виртуозный классический танец заиграл в его балете по-новому. Постановщик применяет достижения современной танцевальной техники, создавая ощущение далекой эпохи несколькими штрихами — «сломленным» корпусом, манерностью рук.

Театральность замысла Виноградова пришлось по душе прекрасному танцовщику Никите Долгушину. Его Колеа — не столько простой крестьянский парень, сколько балетный премьер, воплощение грации, галантности, ума и красоты. Преимущество Долгушина — великолепно отточенный танец. Пожалуй, он единственный из исполнителей, который оказался на уровне виртуозной хореографии. Слабее Лиза — Галина Покрышкина. Местами ее игра выразительна, но однообразна. Зато танцевавшие во втором составе Людмила Филина и Александр Евдокимов подкупают искренностью, чистотой, обаянием. Им веришь, с интересом следишь за их проделками, сразу проникаешься к ним симпатией. Эти исполнители ближе к духу «Тщетной», в то время как Долгушин — к хореографии Виноградова.

Спектакль украшает прекрасная Марцелина — Николай Боярчиков. В его исполнении жадная и властная старуха не лишена обаяния. Она то и дело забывает о своем возрасте и становится тогда уморительно кокетливой. Все делает властью, от души:

зевает, шьет, горгуется, ненавидит и любит. Многоплановый образ удалось создать и Г. Замуэлю. Его Ален, сватающийся к Лизе, не только придурковат. Он искренне увлекается, восторженно реагирует на то, что привлекло в данную минуту его интерес, будь то муха, бабочка, игрушечная лошадка или... Лиза. Нет-нет да и мелькнут в его игре трагикомические интонации, отчаяние и боль.

Чувствуется, что весь коллектив работал над спектаклем с удовольствием. Встреча с Виноградовым — это также возможность проверить себя, свои силы.

Новый спектакль подтвердил, что Олег Виноградов на наших глазах стал мастером.